

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЛЯ VS СЫРЬЕВАЯ ЛОВУШКА: ИСТОРИЯ ОДНОГО УСПЕХА

© 2025 г. О.В. Гаман-Голутвина

ВАСИЛЬЕВ А.М. История Саудовской Аравии. 3-е изд.,
расширенное и дополненное. Москва, Наука, 2024. 796 с.

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, член-корреспондент
РАН, профессор НИУ ВШЭ, заведующая кафедрой МГИМО МИД России,
ORCID 0000-0002-2660-481X, ogaman@mail.ru
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76.

Рецензия поступила 26.02.2025. Принята к печати 01.03.2025.

Ключевые слова: Королевство Саудовская Аравия, модернизация, ислам, элиты, традиция, современность, нефтяной фактор.

POLITICAL WILL VS THE RESOURCE TRAP: THE STORY OF ONE SUCCESS

VASILIEV A.M. The History of Saudi Arabia. 3rd ed., expanded
and supplemented. Moscow, Nauka, 2024. 796 p. (In Russ.)

Oxana V. GAMAN-GOLUTVINA,
ORCID 0000-0002-2660-481X, ogaman@mail.ru
MGIMO University, 76, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Received 26.02.2025. Accepted 01.03.2025.

Keywords: Kingdom of Saudi Arabia, modernization, Islam, elites, tradition, modernity, oil factor.

About author:

Oxana V. GAMAN-GOLUTVINA, Dr. Sci. (Political), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, President of the Russian Political Science Association, member of the Civic Chamber of the Russian Federation and Moscow, Editor-in-Chief of the "Comparative Politics" journal, HSE Professor, Head of the Comparative Political Science Department at MGIMO.

В дни, когда готовился к печати этот текст, наиболее горячей новостью мировых СМИ стали сообщения из Саудовской Аравии о возобновившихся после длительного перерыва переговорах высоких представителей РФ и США. В этой связи естественным стал всплеск внимания к стране, предоставившей площадку для имеющих без преувеличения мировое значение дипломатических контактов. Очевидно, что выбор страны не мог быть случайным, и осознание этого обстоятельства естественным образом стимулировало интерес к Саудовской Аравии не только специализированной, но также широкой общественной аудитории. Страна, которая с XVIII по середину XX в. находилась в стратегическом партнерстве с Великобританией, сменившимся в 1940-х годов столь же масштабным сотрудни-

чеством с США, со второго десятилетия XXI в. стремится проводить многовекторную внешнюю политику и оказывать посреднические усилия, что способствовало выбору в ее пользу в качестве арены международной дипломатии. Однако позволю предположить, что и вне интригующего контекста эта страна представляет значительный интерес не только для востоковедов-арабистов, но также для специалистов в области политической науки и международных отношений. Ее вес на нефтяном и финансовом рынках и ее роль в мире ислама таковы, что любые серьезные трансформации в стране могут иметь далеко идущие последствия и за ее пределами.

Всестороннему исследованию прошлого и настоящего Королевства посвящена мону-

ментальная, без преувеличения эпического масштаба книга Почетного президента Института Африки РАН академика РАН А.М. Васильева “История Саудовской Аравии”, в которой автор представил широкоформатную картину эволюции этой крупной и значимой арабской страны в единстве историко-культурных, социально-экономических, демографических, политико-институциональных, религиозных и международных измерений за период с начала XVIII в. до настоящего времени. Безусловную достоверность анализу сообщает опора на обширную отечественную и зарубежную исследовательскую литературу и впечатляющий корпус источников. Это массив действительно чрезвычайно обширен и включает оригинальные арабские летописи; написанные как апологетами, так и противниками династии Саудидов и религиозного течения ваххабитов хроники; записки европейских путешественников, дипломатов, ученых и разведчиков XVIII–XXI вв.; официальные документы государственных органов и отчеты коммерческих компаний; впервые введенные в научный оборот архивные материалы. Методология и ракурс анализа определены тем, что эволюция государства Саудидов рассматривается А.М. Васильевым в контексте общего хода истории Ближнего и Среднего Востока и политики России в данном регионе, что было детально исследовано автором в одной из предшествовавших монографий¹.

Эвристическое значение ретроспективы обусловлено отнюдь не только историческим интересом, но также тем, что, если вольно трактовать мысль Г.В.Ф. Гегеля, генезис явления находит реализацию в его сущности. Системность охвата позволяет автору выявить природу саудовского общества; проследить основные этапы его эволюции и выявить воплощавшие эти стадии социальные структуры и силы, включая практически перманентную борьбу за власть внутри правящего клана Саудидов; представить и деликатно интерпретировать роль религии и духовную конфигурацию многочисленных религиозных движений, включая наиболее радикальные из них; раскрыть роль “нефтяного фактора” в социально-экономической и политической модернизации страны; социальные трансформации саудовского общества и генезис новых социальных образований; борьбу за власть в тра-

¹ Васильев А.М. *От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке*. Москва, Центрполиграф, 2018. 670 с.

диционном обществе и появление первых политических, точнее, протополитических структур. При этом картина без малого трехсотлетней эволюции страны представлена не только на институциональном уровне, но также персонализирована через биографии и характер основных действовавших и действующих лиц, и автор предстает не только как невероятной эрудиции историк и регионовед, но также как тонкий проницательный психолог. Эпический масштаб издания сочетается со стилистическим изяществом, восходящим к традициям классической русской литературы и свидетельствующим о несомненном литературном даре автора.

При характеристике аравийских реалий приходится неоднократно прибегать к определению “уникальный”. уникальное положение в качестве страны – хранительницы двух главных мусульманских святынь обусловило исключительную роль и статус ислама в стране и особое положение Королевства в мусульманском мире. Эксклюзивное положение в качестве доминантного игрока на нефтяном рынке – игрока, способного “перевернуть игру” и “смешать карты”, как это произошло посредством нефтяного эмбарго во время арабо-израильской войны в 1973 г., – вывело страну в ряд значимых акторов мировой экономики уже в третьей четверти XX в. Позже последовал не столь стремительный, но ощутимый и заметный рост влияния Саудовской Аравии и в мировой политике. Эти успехи тем более значимы, что достигнуты еще недавно бедной полупустынной слабозаселенной страной, в прошлом которой отсутствовал мощный культурно-цивилизационный фундамент, подобный тому, что подпитывал идеями и энергией другие арабские страны, игравшие видную роль в прошлом – Египет, Иран, Сирию². Еще в начале 1940-х годов в большинстве районов Саудовской Аравии не использовалось колесо. Это не означает, что ее жители не были знакомы с колесом, но его отсутствие характеризовало уровень развития производительных сил страны. Государственность на Аравийском полуострове возникла лишь в первой половине XVIII в., а современное государство было созда-

² Более того, в аравийском случае можно отметить своеобразную “отягощенную наследственность”. Средневековое государство Саудидов было основано на военной экспансии, а источником дохода была военная добыча: “Войны, набеги, грабежи, непрекращающаяся экспансия были важнейшими условиями существования государства Саудидов” (с. 129).

но только в начале XX в. уникально политическое устройство, в котором роль официальной Конституции выполняют Коран и Сунна, а судебная система основана на исламском шариате как для уголовных, так и гражданских дел.

В целом и сегодня аравийское государство известно уникальным сочетанием элементов традиционного и даже архаического уклада и современных институтов. Эта самобытная по многим параметрам страна может рассматриваться в качестве эвристически ценного источника для понимания современных проблем социального развития. Нередко политологии, раскрывая мысль М. Вебера о типах легитимности (традиционный, харизматический, рационально-законный), сталкиваются с дефицитом примеров первого типа в нынешнем мире. Аравийское государство в полном смысле относится именно к данной категории и обогащает понимание широты “репертуара” возможных конфигураций и путей современной социальной эволюции. Не будет преувеличением констатировать, что отношение к развитию – нерв актуальных политических коллизий. Несмотря на ритуальные реверансы с различных трибун в пользу модуса развития, последнее по факту не является универсальной и безусловной политической ценностью. Собственно, развитие исторически позиционировалось как привилегия. Масштабные политические и социально-экономические трансформации XX в., казалось бы, поколебали эту диспозицию. Однако с середины 1970-х годов возобновились системные усилия по проблематизации дискурса развития, в том числе посредством его редукции к упрощенно трактуемой модернизации. Исследование кейса Саудовской Аравии представляет интерес в контексте поисков эффективных механизмов развития со стороны современной социальной теории и ответственной управленческой практики, в том числе на этом крайне нетипичном материале.

Целый ряд значимых слагаемых эволюции Саудовской Аравии во второй половине XX – начале XXI в. – индустриализация, урбанизация, демографический и социально-экономический рост – может служить иллюстрацией канонов классических теорий модернизации, которые, собственно, и были выдвинуты в середине XX в. для отражения подобных траекторий движения от традиционного к современному обществу. Еще в начале 1960-х годов в Саудовской Ара-

вии практически не существовало национальной промышленности; первый в истории пятилетний план экономического развития охватил 1971–1975 гг. А на исходе второй декады XXI в. промышленность уже поставляла около 45% ВВП, услуги – более 50%, сельское хозяйство – без малого 3%. В сфере услуг было занято более 40%, в промышленности – более 20%, в сельском хозяйстве – около 7% населения. В аграрной сфере произошла подлинная революция: страна достигла самообеспечения в производстве ряда значимых продуктов питания. Для адекватной оценки этих данных стоит принять во внимание, что пахотные земли составляют лишь 2% территории КСА (с. 612-613).

Интегральным индикатором качества достигнутых параметров является демографическая и образовательная динамика, характеризующая сдвиги в численности и структуре населения страны. В середине 1950-х годов из примерно трехмиллионного населения Королевства три четверти составляли кочевники или полукочевники. К середине третьего десятилетия XXI в. численность населения возросла на порядок и превысила 33 млн человек, из которых 60% – моложе 30 лет. К 2015 г. в городах жило уже примерно 85% населения (в 10 крупных городах – 80%), численность кочевников упала ниже 5% (с. 608-609).

Еще более красноречива образовательная динамика. В середине 1950-х годов уровень грамотности в Королевстве был самым низким в арабском мире; ни в одной из школ в Эр-Рияде не изучали химию, физику или французский язык; саудовских девочек вообще не учили читать или писать; в стране не было ни одного университета. А в начале XXI в. образование стало практически всеобщим, и во втором десятилетии XXI в. в саудовских университетах девушек было больше, чем юношей. В стране действуют 25 университетов и 52 региональных технических колледжа. После терактов 11 сентября 2001 г. за границей оставалось только 2000 студентов, но в 2017 г. благодаря специальным программам их число в университетах США, Великобритании, Канады и Австралии достигло 68 тыс. только Китай, Индия и Южная Корея имели больше студентов в американских университетах. Всего к 2020 г. около 200 тыс. саудовцев завершили образование в примерно 40 странах. Комментируя эти данные, А.М. Васильев справедливо замечает, что качество образования не столь впечатля-

ет, поскольку оно отставало от международных стандартов: слишком много внимания уделялось религиозным предметам, слишком мало – техническим (с. 609).

Общеизвестно, что источником преобразования саудовской экономики стала нефть. Доходы от нефти, получаемые КСА, возросли с 1938 по 1992 г. более чем в 95 тыс. раз. Прямые отчисления нефтяных компаний составляли более 4/5 доходов государства. За несколько лет пустынное Королевство превратилось в одного из крупнейших, а к 1970-м годам – крупнейшего в мире экспортера жидкого топлива. Саудовская Аравия стала 20-й экономикой мира, самой большой среди арабских стран. Ее основа – вторые в мире после Венесуэлы по величине запасы нефти и значительные газовые месторождения. На долю нефтяного сектора приходилось около 87% бюджета, 90% экспортных поступлений и 42% ВВП. Ведущая компания страны *Saudi Aramco* неизменно входит в пять крупнейших корпораций мира по доходам и чистой прибыли, владеет или участвует в предприятиях по переработке и распределению нефти и нефтепродуктов в десятках стран мира (с. 476, 478).

Именно нефть стала локомотивом модернизации Аравийского полуострова и именно заинтересованность в его нефтяных месторождениях стимулировала внешних игроков побуждать архаичную структуру к некоторому обновлению. Саудовская Аравия – классический пример инициированной извне модернизации. А.М. Васильев точно определяет мотивацию игроков: отнюдь не в целях благосостояния общества, но опасаясь революционного взрыва, внешние акторы подталкивали правящий клан к некоторым реформам, к развитию экономики, здравоохранения, просвещения.

Однако только некоторые характеристики страны соответствуют классическим канонам модернизации, остальные не просто отличны – диаметрально противоречат им. О такой фундаментальной характеристике модернизаций, как секуляризация, речь не шла в принципе – напротив, Королевство занимает исключительное положение в исламском мире как локация рождения ислама и хранительница двух его главных святынь. Ислам в аравийском государстве пронизывает все сферы жизни, а ваххабистские богословы играют огромную роль в обществе. Собственно, само государство Саудидов возникло в XVIII в. на основе движения мусульманских

реформаторов. За десятилетия нефтяной эпохи влияние улемов несколько снизилось благодаря распространению образования и нововведениям, однако доминантные позиции религиозной знати остались неприкосновенными. Красноречив флаг Саудовской Аравии – любимого цвета пророка – зеленого – с изображением символизирующей джихад – “священную войну” – белой сабли и надписью символа веры ислама. Улемы были решительными противниками модернизационных перемен и остаются таковыми до наших дней. Ислам, пронизывающий сложившуюся по законам шариата социально-политическую структуру, остается в саудовском обществе духовной доминантой, которая оказывает на его жизнь более интенсивное воздействие, чем где бы то ни было в мусульманском мире.

Более того, вопреки классическим канонам теорий модернизации влияние ислама в динамике не упало, но во второй половине XX в. возрастало. В книге находим объяснение этой тенденции. В 1950–1960-х годах в ряде арабских стран – Египте, Йемене, Ливии, Сирии, Ираке – революционное брожение вылилось в государственные перевороты. На рубеже 1960–1970-х годов и в Саудовской Аравии возникли подпольные левые организации; в 1975 г. была создана Коммунистическая партия страны, которая, впрочем, не имела шансов стать влиятельной. В поисках противовеса идеям арабского национализма и солидарности, совмещенных с призывами к социальным преобразованиям, аравийская монархия обратилась к исламу, в котором саудовский режим видел инструмент борьбы со своими противниками и внутри страны, и вне ее. Рассматривая истоки усиления религиозности в стране, А.М. Васильев особо обращает внимание на шок, произведенный в Королевстве йеменской революцией в 1962 г., которая стала “грозным предупреждением” саудовской королевской семье. Все объективные факторы, которые обусловили революционный взрыв в соседней стране, наличествовали и в Саудовской Аравии: феодально-теократический режим, коррупция в верхах саудовского общества, нищее и полуголодное население, и, самое главное, появление оппозиционно настроенного слоя “разночинцев”, которые восприняли идеи национального и социального освобождения в различных формах и требовали перемен (с. 423, 452).

Эволюция КСА демонстрирует парадокс: если в 1970-х годах местная оппозиция опиралась на левые и националистические идеи, то в конце XX и в начале XXI в. она использовала в основном исламскую риторику. Примером может служить восстание в Мекке в 1979 г. под лозунгами возвращения к “подлинному (чистому) исламу”, а также иные ортодоксальные исламские движения, которые были много более влиятельными, чем периодические возникавшие либеральные течения. А.М. Васильев объясняет это возвратное движение времени тем, что лишь небольшая часть населения стремилась к переменам и еще меньшая часть была готова к решительным действиям во имя перемен. Аравийское общество еще не поднялось выше феодально-племенного уровня, массы предпочитали прежнее общественное устройство, довольствуясь старыми социальными институтами, шли за консервативными лидерами под знаменами ислама в его средневековой форме. Это облегчало задачу самосохранения саудовского режима и отличало аравийский кейс от иранской революции 1979 г. – традиционалистского восстания против вестернизации. Саудовский режим, система правления и мало отличная от средневековой конфигурация государства в целом устояли.

А.М. Васильев детально анализирует истоки уникальной устойчивости этого режима³. Еще после Первой мировой войны в ряде арабских государств (Египте, Сирии, Палестине, Ираке, Алжире, Марокко) стоял вопрос о завоевании национальной независимости для самостоятельного развития и смене феодальных порядков более экономически продуктивным буржуазным укладом. Между тем в политически независимой Саудовской Аравии не было даже начальных элементов капиталистических отношений, и государство сложилось на примитивной феодально-племенной основе в средневековом, по сути, обществе со средневековой или даже досредневековой экономикой и соответствующей социально-политической структурой.

³ Роль опоры режима выполняли также армия и службы безопасности – не случайно прямые и косвенные ассигнования на вооруженные силы и полицию после 1967 г. составляли 2/5 бюджета (до этого были равны примерно трети). уровень затрат на армию достигал 10–13% ВВП и был выше, чем в любой стране НАТО, включая США, уступая лишь тем странам Ближнего Востока, которые принимали непосредственное участие в арабо-израильском конфликте (с. 479). Привилегированное положение военнослужащих отражало стремление королевской семьи обеспечить лояльность армии режиму.

Централизованное государство здесь было образовано лишь в 1920–1930-е годы и стало прогрессом по отношению к феодально-племенной раздробленности, междоусобице и сепаратизму.

В XX в. в Королевстве сложился уникальный режим во главе с многочисленной династией Саудилов. Во второй декаде XXI в. число мужчин в разросшемся клане Саудилов составляло от двух до пяти тысяч человек, а если считать всех членов племени Саудилов, то их численность к этому моменту достигла более 100 тыс., что равно половине процента саудовского населения и гораздо большей доле в национальной политической и экономической элитах. По меткому выражению одного из исследователей, Ааль Сауды – это фактически наследственная политическая партия в однопартийной системе с несколькими тысячами человек, но и с разными течениями, проповедующими разные цели и методы.

Если в европейских полициях XX–XXI вв. монархия играет преимущественно церемониальную роль, то наследственная монархия в Саудовской Аравии – ключевой субъект политического и экономического господства. Сложившуюся систему правления А.М. Васильев определяет как систему “пирамидально-группового феодализма” или “коллективного руководства”. В ее рамках власть монарха – теоретически абсолютная – вплоть до конца второй декады XXI в. была ограничена личными интересами, сетью связей и политическим влиянием других старших принцев вместе с их семьями. Со времен империй древности борьба за трон была неизменным спутником королевских семей. Не обошла она и Саудилов. Борьба внутри королевской семьи оставалась главной чертой политической жизни страны. Из 2–5 тыс. его членов в принятии важнейших решений участвовал сравнительно узкий круг лиц числом не более 100. В эту подлинно властную сотню входили авторитетные лидеры влиятельных ветвей многочисленного племени Ааль Сауд, между которыми шла скрытая борьба, не позволявшая ни одной из группировок монополизировать власть.

С течением времени общество усложнялось, назревала необходимость реформ, которые откладывались, а проблемы “заливались” нефтяными деньгами. Между тем перемены были необходимы также по экономическим причинам. Во второй декаде XXI в. в связи с трехкратным падением цен на нефть субсидирование произ-

водства нефтепродуктов, энергии и воды стало малопродуктивным даже для “нефтяной экономики”, в 2015 г. даже возник дефицит бюджета. Система “пирамидально-групповой” власти принцев во втором десятилетии XXI в. обнаружила системную дисфункциональность. Несколько сотен внуков и правнуков короля-основателя Ибн Сауда могли легально претендовать на престол, что в условиях возрастающих финансовых притязаний клана создавало напряжение внутри правящей элиты.

Качество и жизнеспособность политики проверяется ее способностью находить ответы на значимые вызовы и справляться с рисками. Ответом на вышеупомянутые сложности стали осуществленные в конце второй декады XXI в. королем Сальманом и наследным принцем Мухаммедом Ибн Сальманом реформы. В повестку входило укрепление власти монарха в стране в условиях исчезающего “коллегиального руководства” высших принцев; укрепление поддержки и населения, и правящей элиты, и известных жесткими ваххабистскими традициями религиозных консерваторов при соблюдении аккуратного баланса и маневрировании между ними; укрощение наиболее одиозных проявлений коррупции, превратившейся в полуполюгальный институт.

В разработанном командой Ибн Сальмана плане “Видение Королевства Саудовской Аравии: 2030” (2015 г.) были поставлены задачи снизить зависимость от нефти и диверсифицировать экономику с упором на частный сектор, обеспечить прозрачность доходов и расходов, сбалансировать бюджет, изменить рынок труда, сократить безработицу, укротить коррупцию, осуществить женскую эмансипацию, сузить сферу полномочий религиозной корпорации и отказаться от наиболее жестких форм ваххабизма. Недовольство этими планами, сопротивление реформам внутри семейства Ааль Саудов было предсказуемо активным; обновление управленческой системы пробивало дорогу сложно; кульминацией борьбы стали события второй половины 2017 г., получившие среди либерально настроенной молодежи определение “Революции 4 ноября”. Эти события, по сути, стали тщательно подготовленной спецоперацией по отстранению от управления наиболее одиозных фигур и сопровождались массовыми арестами членов правящего клана по обвинению в коррупции. Число арестованных к концу 2017 г.

лиц достигло почти 400 считавшихся неприкосновенными представителей саудовской элиты, включая принцев королевской крови, действовавших и бывших министров и их заместителей, замораживание их счетов и возвращение государству принадлежавших арестованным, включая членов династии Ааль Саудов, средств и прибыльных активов, прежде всего земельных владений.

Антикоррупционная кампания продолжалась несколько лет вплоть до 2022 г., и Ибн Сальман железной рукой подавлял реальное и потенциальное сопротивление. В одном 2020 г. были арестованы не только более 300 правительственных чиновников, но также брат короля Сальмана и его племянник, а также бывший кронпринц Ибн Наиф и его родной брат по обвинению в государственной измене в связи с якобы имевшими место планами государственного переворота. В результате основанная на консенсусе главных принцев Ааль Саудов модель властвования ушла в прошлое. В правительстве стало значительно меньше принцев и тех, кто оказывал влияние благодаря крупным состояниям. На их место пришли доверенные лица Ибн Сальмана, который стал самым могущественным человеком в стране со времен короля-основателя Ибн Сауда и персонифицировал стремление части саудовской элиты к обновлению модели управления и традиционного жизненного уклада в целом.

А.М. Васильев характеризует результат упомянутых событий как установление “фактической диктатуры” короля Сальмана и его сына, которые смели сопротивление членов многочисленного семейства Саудидов, разрушили “вертикальный феодализм”, чтобы получить все рычаги власти и начать реформы. Путем репрессий и массовых арестов, но – что важно – без серьезного кровопролития, они вывели из политической игры потенциальных претендентов на высшую власть – как членов Саудовской династии, так и представителей высшей военной, административной, финансовой бюрократии, и укрепили позиции своих сторонников.

Этот крутой поворот современной арабской истории предоставляет материал для еще одного заключения. На протяжении почти трехсотлетнего периода функции управления страной выполняет клан Саудидов. Обычно правящие династии со временем деградируют, утрачивают энергию, тонус, волевые и интеллектуальные качества, включая волю к власти,

что в свое время дало основание В. Парето для чеканной формулы: “История есть кладбище аристократий”⁴. Однако похоже, что эта судьба обошла саудовский правящий дом, который в лице своих наиболее дальновидных представителей осознал, что *сохранение предполагает изменение*, включая ротацию стоящих у власти лиц. В пользу этой оценки свидетельствует техничность, с которой король Сальман и принц Ибн Сальман осуществили широкомасштабную ротацию управляющего эшелона. Можно поддержать мнение А.М. Васильева: “Правящий класс Саудидов, несмотря на свою архаичность, оказался устойчивым и цепким в удержании власти и стал приспосабливаться к меняющимся условиям” (с. 659). В этой связи уместно также привести суждение иностранных исследователей применительно к реалиям XIX в., упомянутое в книге, которое, не исключено, может оказаться применимым и в текущих реалиях: “Семья Саудидов в решительные моменты выдвигала обладающих умом и характером сильных людей, которые могли контролировать сепаратистские элементы в своем обширном королевстве и обеспечивать суровую справедливость” (с. 214). так, в истории аравийского государства в XX в. к категории масштабных руководителей относят прежде всего основателя современной Саудовской Аравии Ибн Сауда и короля Фейсала, а в XXI в. – короля Сальмана и наследного принца Ибн Сальмана. уместно упомянуть, что детальному анализу личности и деяний короля Фейсала А.М. Васильев посвятил отдельную монографию⁵.

Как можно интерпретировать предпринятые на исходе второй декады XXI в. меры? Каков смысл этих преобразований, если выйти за пределы их значения только для Саудовской Аравии? На наш взгляд, ключевое значение имели усилия по централизации государственной организации и ликвидации архаичных элементов феодализма. Здесь уместно провести определенные параллели между этими событиями и теми, что имели место на Руси в период создания и укрепления централизованного государства в XVI–XVII вв. Конечно, всякое сравнение “хромает”, однако при всей кажущейся экзотичности данного сопоставления можно найти

⁴ Парето В. *Компендиум по общей социологии. Антология*

мировой политической мысли в 5 тт. Москва, Мысль, 1997. т. II, с. 66.

⁵ Васильев А.М. *Король Фейсал: личность, эпоха, вера.* Москва, Центрполиграф, 2023. 543 с.

аналогию между разрушением феодалов в Аравии и борьбой с местничеством в Московском государстве в конце XVII в. А.М. Васильев отмечает: “Кровное родство, принадлежность к клану или племени все еще определяли место индивидуума, успех или неудачу его продвижения как в традиционных, так и в новых сферах деятельности. Приоритет в обществе отдавался интересам и солидарности родственной группы против интересов индивидуума и тех, кто находился вне этой группы. Фаворитизм, кумовство по отношению к членам семьи, клана, племени господствовали в экономической сфере, в бюрократии, в вооруженных силах. ... Люди редко поднимались вверх без семейных связей... Они все еще считаются важнее компетентности, трудолюбия и других деловых качеств” (с. 665). В ходе начавшейся в КСА на исходе второго десятилетия XXI в. борьбы с этой системой отношений ключевым инструментом была национализация земельных владений. Именно с аналогичными явлениями и сходными методами боролись те, кто отменил местничество в России в 1682 г. и создавал централизованное государство, разрушая систему феодальных обособленных самостоятельных княжеств посредством создания единой вертикально организованной структуры в масштабах государства: “В ходе преобразований, охвативших к 1570-м годам половину всех земель государства, феодалы (княжата) теряли родовые вотчины и получали взамен земли на условиях поместного (то есть временного и условного) владения, причем в тех территориях, где напрочь отсутствовали исторические и психологические основы, питавшие нравственное и политическое влияние княжат. В результате наследственная знать была уравнена в положении с иными категориями служилого класса: княжата превратились в рядовых служилых землевладельцев. Прямым следствием этой меры стало разрушение остатков удельных отношений, сохранившихся в вотчинах: с уходом вотчинников исчезли и традиционно существовавшие в родовых поместьях военные формирования, а служебный люд, обязанный службой вотчиннику, автоматически превращался в подданных государя. Эти меры юридически уравнивали всех лично свободных граждан государства в их отношении к верховной власти – вотчинник и его служилые люди становились равней”⁶.

⁶ Гаман-Голутвина О.В. *Политические элиты России: веки исторической эволюции.* Москва, Росспэн, 2006, сс. 100-101.

Реформы Сальмана и Ибн Сальмана разрушали систему феодалов в рамках “пирамидально-группового” феодализма, в которой главы наследственных “феодалов” – министерств с развитой системой патронатно-клиентельных связей и практически независимыми вооруженными силами... осуществляли руководство Королевством (с. 669). Соответственно, в терминах современной политологии предпринятые Сальманом и его сыном шаги привели к усилению централизованных начал и разрушению обособленных феодальных патрон-клиентельных связей: «Король Сальман и его сын драматически изменили политическую структуру страны. Старая система “пирамидально-группового” феодализма, в которой высшие принцы управляли независимыми друг от друга министерствами, имели “свои” вооруженные силы, а высшие технократы находились под протекцией того или иного главного принца, ушла в прошлое. Отныне все высшие технократы были обязаны карьерой не какому-нибудь одному патрону из числа принцев, но лично королю Сальману или его сыну» (с. 646). Иначе говоря, централизованная вертикально интегрированная система управления пришла на смену модели условного “акционерного общества”, в котором в качестве патронов-акционеров выступали старшие принцы семейства Саудидов, а клиентами – более отдаленные потомки основателя КСА и назначенные ими чиновники.

В этом также можно найти еще одну, более близкую нам по времени историческую аналогию с модернизационными процессами. В рамках мобилизационной модели, по которой развивалось российское государство, на пике модернизаций не было места клиентельным образованиям – последние были нерелевантны задачам этой модели и в кульминационные периоды модернизаций подвергались разрушениям. так, в частности, происходило в СССР конца 1930-х годов. Одной из целей политических чисток партийной номенклатуры СССР на исходе 1930-х годов было создание нового гомогенного в плане внутренней структуры управленческого слоя, обязанного своим положением и привилегиям государственной службе и безраздельно подчиняющегося верховной власти. Политический класс подобной конфигурации был призван стать инструментом мобилизации общества для решения превосходящих его возможности задач. Поэтому доминирующей установкой верховной власти была максимальная гомогенизация

и внутренняя консолидация управленческого сообщества, что предполагало борьбу верховной власти против клиентел и групп влияния внутри этого сообщества. “Антикорпоративистская” стратегия верховной власти была обусловлена необходимостью усмирения ведомственных и клановых интересов; борьба против клиентел и групп интересов предстала не последней по значимости целью чисток правящей номенклатуры в 1930-е годы⁷.

С точки зрения интересов России наибольшее значение имеет внешняя политика Саудовского Аравии. СССР стал первой страной, признавшей независимое саудовское государство и установившей с ним в 1926 г. дипломатические отношения. В дальнейшем отношения СССР и КСА претерпевали серьезные изменения, складывались сложно и неровно. Антимонархические, антиимпериалистические и атеистические установки Советского Союза и поддержка с его стороны антиколониальных движений на Ближнем и Среднем Востоке были непреодолимым препятствием для устойчивых отношений. Вхождение советских войск в Афганистан в 1979 г. было интерпретировано не без помощи США как шаг, не исключающий в дальнейшем и Саудовскую Аравию в качестве объекта подобной экспансии (что решительно не соответствовало реальности), и помощь афганской вооруженной оппозиции на годы вперед стала составной частью внешней политики Королевства.

Новые времена принесли в Россию деидеологизацию внешней политики и ее переориентацию на прагматизм, который стала платформой для сотрудничества в том числе и с Саудовской Аравией. Обоюдная заинтересованность в стабильности нефтяного рынка привела оба государства как ведущих производителей углеводородов к совместной работе в рамках ОПЕК+, что позволяет стабилизировать и мировую экономику в целом. Начиная с 2017 г. Саудовская Аравия превратилась в стратегического партнера РФ на Ближнем Востоке. Несмотря на многолетнее в прошлом партнерство с Великобританией и США, в настоящее время власти Королевства проводят многовекторную, ориентированную на национальные интересы внешнюю политику, успешно маневрируют между мировыми гиган-

⁷ Гаман-Голутвина О.В. *Политические элиты России: веки исторической эволюции*. Москва, Росспэн, 2006, сс. 275-278.

тами, в частности, между США и КНР. Это позволяет Саудидам найти в сложодинамичном и высококонфликтном мире свое место и роль.

Завершая этот обзор, можно заключить, что замечательная книга А.М. Васильева представляет обширный материал для понимания истоков успеха Саудовской Аравии. Далекое от глубокого знания темы поверхностные объяснения, известные приверженностью простым ответам на сложные вопросы, сводят факторы достижений КСА к нефти, доходами от которой действительно долгое время на Ара-

вийском полуострове “заливали” социально-экономические проблемы и закрывали рты недовольным. Однако при всей обоснованности этой констатации следует принять во внимание, что одаренность природными ресурсами в неединичных случаях становилась “сырьевой ловушкой” и более того, “ресурсным проклятием” даже для стран несоизмеримо более высокого уровня развития. Политическая воля, компетентность, знание, ценностные убеждения – те качества, вне которых природные дары не становятся источником развития.